

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1132-1141. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1132
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century

Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Lyudmila V. Belgorodskaya ^a, Larisa F. Malyutina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The object of interest of this project is charity in Russia which is viewed as a social phenomenon. The origins and types of activity of charity providers which at first was unorganized and consisted of almsgiving and donations for the benefit of the church are shown in historic contest. The reasons due to which the merchants started taking up the leading positions in this type of activity by the XIX century are revealed. Also the numerical and comparative analysis of the merchant class in the regions has been performed, during which it has been determined that the number of merchants in both European Russia and Siberia was much less than that of other social groups. The source of merchant class formation from the peasantry and bourgeois class allows making statements regarding its mentality based on the commitment to customs and traditions. It has been determined that it is especially clearly in evidence regarding the Old Belief class. The analysis of the incentives to conduct charity shows the absence of regional differences between them. They included both lucrative and selfish incentives and humanistic ones based on the sincere desire to help. The determining criteria were the personal characteristics of the donors. Charity was a way of possible rehabilitation of the merchant class in the eyes of the society for the wealth accumulated using unjust ways and therefore motivated the activity of the merchant ways. The correctness of the theoretical conclusions is approved by the facts from the life of the most well-known charity providers of Russia. The article also deals with patronage as the type of charity, its role in the lives of artists and general preservation of the cultural heritage.

Keywords: charity, patrons, merchants, entrepreneurs, artists, collectors, Russia, Siberia.

1. Введение

Благотворительность как социальное явление в последнее время вызывает все больший интерес со стороны исследователей, так как вопросы, связанные с ее проблемами с течением времени не утрачивают своей актуальности. Под благотворительностью понимается, прежде всего, система мер, направленных на оказание помощи людям, находящимся в тяжелых жизненных обстоятельствах в связи с состоянием своего здоровья или пострадавшим от стихийных бедствий. Эта адресная помощь помогала в какой-то степени решению определенных общественных проблем. В качестве благотворителей могло выступать как государство, так и отдельные представители общества или организации в целом, но главным было то, что суть их деятельности от этого не менялась. В ходе исследования проблемы возникает вопрос: насколько благотворительность являлась характерной чертой русского народа, насколько она выражала его ментальность и могла ли она быть интегрирующей силой, способной объединить различные общественные слои. Или же, напротив, оставаясь делом частным, она являлась лишь результатом личной инициативы и потребностей делать

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), blv.kr@yandex.ru (L.V. Belgorodskaya), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

добро, быть сострадательным и милосердным. Обращаясь к истокам благотворительности, можно увидеть, что первоначально она проявлялась в неорганизованных формах, таких как подача милостыни и пожертвований в пользу церкви. Ее связь на этом первом этапе становления с этическими и морально-нравственными нормами христианства очевидна. Первые богадельни и больницы возникали, как правило, при монастырях. Петр I пытался ликвидировать нищенство, запретив специальными указами частную благотворительность, желая взять ее под контроль государства. В эпоху Екатерины II, напротив, благотворительность всячески поощрялась. Представители купечества за благотворительную деятельность могли стать «почетными гражданами». Расцвет благотворительной деятельности в России приходится на вторую половину XIX в. и связано это, прежде всего, с ускорением развития предпринимательской деятельности в пореформенный период. Наиболее частым проявлением благотворительности было возведение медицинских учреждений, поддержка богаделен и приютов, открытие различных учебных заведений, библиотек, назначение стипендий. Как форму благотворительности можно рассматривать меценатство, которое в качестве объекта своего внимания рассматривает в первую очередь искусство и литературу. Прежде чем говорить о размерах и значимости благотворительности, необходимо выяснить социальный и численный состав людей, которые могли позволить себе заниматься этим видом деятельности. В России XIX века основной социальной группой, которая имела средства для помощи нуждающимся, было купечество. Однако, согласно статистическим данным, оно отнюдь не являлось доминирующей частью населения страны. Согласно переписи 1897 г. купцов в России было 281 179 человек, на каждую тысячу человек приходилось всего 2 купца. Незначительным был удельный вес купечества и в Сибири, хотя оно представляло доминирующую часть в сословном составе сибирской интеллигенции (Karchaeva et al., 2017: 88), которая «была близка с народом и являлась носителем его мироощущений и эстетических понятий» (Gryaznukhina et al., 2017: 817). В середине века в сибирских губерниях проживало 3189 человек купеческого сословия. В Омске по переписи 1877 г. доля купечества составляла 1,48 % (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 976). В Енисейской губернии в 1891 г. проживало 1168 человек, принадлежавших к купеческому сословию (Памятная книжка..., 1892: 84-85). Если учесть, что отнюдь не все они были склонны к благотворительности, то значимость и масштаб этому движению могли придать объемы денежных средств, потраченных на общественные нужды.

Необходимо также отметить, что купечество занимало лидирующую позицию в делах благотворительности в силу объективно сложившихся исторических предпосылок. Дело в том, что большинство купеческих династий происходило из среды старообрядцев. Это династии Морозовых, Рябушинских, Щукиных, Третьяковых, Солдатенковых, Хлудовых, Прохоровых, Шелапутиных. Старообрядцы традиционно держались своих корней, веря в незыблемость раз и навсегда установленных моральных и этических норм. Гонимые властями, они понимали, что выжить могут только благодаря непрерывному труду, взаимопомощи и поддержке друг друга. Осознание этого и определило их менталитет. Этические и моральные нормы старообрядцев способствовали их экономическому процветанию. Бережливость, осуждение расточительства, отказ от каких-либо излишеств способствовали более быстрому накоплению первоначального капитала. И уже к середине XIX в. купцы-старообрядцы, являясь в большинстве своем выходцами из крестьян, занимали ведущие позиции в столичном бизнесе, располагая миллионными оборотами. Готовность делиться с ближними определялась отношением к богатству, которое рассматривалось как некое испытание, посланное человеку свыше. Способность отдавать, иногда даже необходимое себе, в старообрядческой среде рассматривалась как вполне определенная моральная норма. Благотворительность, таким образом, стала являться естественной потребностью, органично входившей в традиционный уклад жизни старообрядцев.

Любое общественное движение, как правило, имеет не только вполне определенные цели, но и мотивы, которые побуждают к достижению этих целей. Благотворительность в этом плане не является исключением. И если на первом этапе преобладали религиозные мотивы: потребность человека жить в гармонии со своей совестью реализовывалась в пожертвовании храмам и строительстве церквей, то с середины XIX в. начинают преобладать мотивы социальные. Общественное признание и уважение для многих представителей купечества становились значимым фактором, определявшим стиль их жизни. Традиционно настороженное отношение общества к накопленному богатству подталкивало предпринимателей к благотворительности как способу каким-либо образом оправдать это богатство. Гуманистическими мотивами, выражавшимися в стремлении хоть как-то облегчить жизнь неимущих слоев, к сожалению, руководствовались лишь немногие предприниматели. Морозовых, Мамонтовых, Третьяковых России явно не хватало. Многие руководствовались чисто эгоистическими мотивами, стремясь посредством благотворительности получить какие-либо финансовые привилегии, звания, чины. Развитие капитализма в Российской империи способствовало обострению конкурентной борьбы. Представители крупной буржуазии хорошо понимали, что для выхода из нее победителем необходимо новое оборудование, а значит и квалифицированные рабочие. Поэтому они не жалели денег на реорганизацию производства и развитие коммерческого образования, выплаты студенческих стипендий. В данном случае частные

интересы – иметь возрастающую прибыль – совпадали с гуманистическими интересами: дать образование рабочему, повысить зарплату, улучшить условия труда и тем самым повысить производительность его труда.

2. Материалы и методы

В качестве источников в ходе работы над данной темой были использованы материалы из государственного архива Иркутской области (г. Иркутск, Россия), государственного архива Красноярского края (г. Красноярск, Россия), Российского государственного архива литературы и искусства (г. Москва, Россия), воспоминания, заметки, очерки людей, живших в исследуемый период и являвшихся очевидцами явлений и процессов того времени.

Использование научных методов анализа, синтеза и обобщения позволило обеспечить объективный подход при освещении вопросов благотворительности в России. Проблемно-хронологический метод дал возможность проследить эволюцию благотворительной деятельности, а также причины лидирующего положения купечества в этой сфере к середине XIX в. Сравнительно-исторический метод позволил проанализировать процессы, происходившие в России и Сибири, выявить их закономерности и различия между ними. Используемый в статье материал рассматривается в контексте социально-экономических процессов в стране, что соответствует принципу историзма.

3. Обсуждение

Актуальность проблемы благотворительности в России подтверждается количеством публикаций, вышедших в последнее время. Особую ценность, однако, представляют книги и воспоминания, написанные людьми, являвшимися свидетелями событий той эпохи. Достаточно полное представление о жизненном укладе Москвы, составе ее населения, в частности о быте купеческого сословия, дает известное литературное произведение «Москва и москвичи» (Гиляровский, 1986). О состоянии театрального искусства и личных отношениях с меценатом С. Мамонтовым говорится в воспоминаниях Ф. Шаляпина (Шаляпин, 1991). А. Боткина, дочь П. Третьякова, повествует в своей книге о многих интересных подробностях из жизни и коллекционной деятельности отца, его отношениях с художниками (Боткина, 1986). О роли меценатов в развитии новых направлений в искусстве писал А. Бенуа в своих воспоминаниях (Бенуа, 1980). Исчерпывающую характеристику С. Морозову как меценату и предпринимателю дал в своих очерках М. Горький (Горький, 1988). И. Попов, редактор «Восточного обозрения», в своих записках сообщал о многих фактах из жизни иркутского купечества (Попов, 1989). Использование статистических данных позволяет сделать выводы о составе и численности купеческого сословия (Памятная книжка..., 1892; Рубакин, 1912; Сутягина, 2020).

Ряд статей посвящен теоретическому осмыслению вопроса благотворительности. Мотивы предпринимательской деятельности рассматриваются в статье Ю. Тазьмина (Тазьмин, 2002). Проблемы структурно-количественных параметров субъектов социальной помощи и благотворительности в Енисейской губернии на протяжении ее существования (1822–1917 гг.) освещены в монографии Т.А. Катциной (Катцина, 2017). Несомненный интерес представляет дискуссионный диалог создателей словаря по истории купечества о сибирской идентичности купеческого сословия (Комлева и др., 2015). Вопросам создания предпринимательского имиджа посредством благотворительности посвящена статья Н. Щитовой (Щитова, 2012). О социальном статусе российских промышленников, роли государства в предпринимательской деятельности говорится в труде А. Верещагина и Р. Хайртдинова (Верещагин, Хайртдинов, 2009).

4. Результаты

Уже к середине XIX века купеческое сословие, имея огромные финансовые возможности, задавало тон жизни как в столицах, так и в далекой Сибири. Дворцы, украшавшие города, постепенно переходили в руки купцов. «Исчезли с фронтонов дворянские гербы, появились на стенах вывески новых домовладельцев: Солодовниковы, Голофтеевы, Цыплаковы, Шелапутины, Хлудовы, Обидины, Лапины...» (Гиляровский, 1986: 101). Образовался Купеческий клуб, в котором купцы весело проводили свой досуг, тратя огромные деньги на изысканные обеды, стремясь перещеголять друг друга. А потом мчались к «Яру» продолжать веселый разгул. Пожалуй, только в русском характере могут сходиться такие крайности, как способность бездумно тратить деньги и в то же время не забывать о нищих и убогих. Примером этого может служить жизнь братьев Ляпиных, завсегдатаев Купеческого клуба. Происходили они из крестьян, но случай помог им разбогатеть. Они открыли общежитие, где бесплатно проживали студенты, существовало оно десятки лет. Многим известным адвокатам, докторам и художникам «Ляпинка» дала жизненный старт, некоторым она просто спасла жизнь. Разбогатевшая благодаря текстильному производству династия Рябушинских проявляла заботу о своих рабочих. При фабрике они содержали больницу, богадельню, ясли, школу, открыли народную столовую, в которой нуждающиеся получали бесплатные обеды. После пожара, уничтожившего текстильные фабрики, производство было восстановлено в модернизированном виде, за границей были закуплены станки, построена электрическая

станция (Лопухина, 2003: 271, 273). В этом они были не одиноки. Еще в 40-е годы купцы Бахрушины реорганизовали производство выделки шерсти, обновив оборудование, установив паровую машину, проведя воду из Москвы-реки, затратив на реконструкцию 100 тыс. руб. (Лопухина, 2003: 163). Но это того стоило, с одной стороны, увеличивало прибыль, с другой – облегчало труд рабочих, а также свидетельствовало о стойкости и верности тем принципам, на которых строился семейный бизнес купечества. Много почетных чинов и званий имели члены семьи Рябушинских за свою благотворительную деятельность. Многим они помогли бескорыстно, занимались коллекционированием, организовывали научные экспедиции, открывали училища для детей, издавали газету «Утро России» и журнал «Золотое Руно», устраивали художественные выставки, после революции открыли дом для престарелых эмигрантов около Ниццы.

Значительными в области благотворительности были заслуги купцов Бахрушиных. 300 тыс. руб. они пожертвовали на возведение народного дома, предназначенного для проведения досуга детей и подростков, 600 тыс. руб. – на приют для мальчиков, построили больницу, детский и родильный приюты, ремесленную школу, дом для лишившихся кормильцев детей и вдов, 500 тыс. руб. пожертвовали на приют-колонию для беспризорных детей (Лопухина, 2003: 165-69). И это еще далеко не полный список жертвований семьи Бахрушиных. Причем основанные ими учреждения они содержали до самой своей смерти и оставляли капитал, который обеспечивал дальнейшее существование этих заведений.

Система образования была основным направлением благотворительной деятельности богатого купца П. Шелапутина. Ведя скромный образ жизни, он жертвовал огромные суммы на строительство учебных заведений. На его средства в Москве были построены классическая гимназия, педагогический институт, реальное училище, затем еще три ремесленных училища, в которых учились дети мастеровых. Происходя из крестьян, обладая жизненной смекалкой, он понимал необходимость связи обучения с жизнью. В 1896 г. на его средства был открыт Гинекологический институт. Не оставлял он своим вниманием престарелых сиделок и больных, сирот и калек, приюты и богадельни для которых он строил в своем кунцевском имении и в имении Покровское-Фили. Не чужды ему были и ценности эстетические. Значительные пожертвования, сделанные Музеем изящных искусств, позволили создать там зал Лисиппа. Всего же на благотворительные цели П. Шелапутин потратил более трех миллионов рублей (Лопухина, 2003: 313).

Не только в столицах купечество задавало тон жизни. Купцы далекого Сибирского региона, несмотря на то, что они были малочисленной купечества европейской части России, по размаху своей предпринимательской и благотворительной деятельности ничуть не уступали им. Благодаря разработке золотых приисков, лидировало в этом плане иркутское купечество. Записки И. Попова, редактора газеты «Восточное обозрение», помогают воссоздать картину культурной жизни Иркутска второй половины XIX в. На нужды образования сибиряков казна фактически не тратила никаких средств. И проблемы просвещения местного населения, таким образом, полностью решались благодаря личной инициативе жертвователей. Так, значительны были пожертвования купца М. Бутина. На его деньги были открыты 10 школ в селах, реальное училище в Нерчинске, он материально поддерживал Приамурский отдел РГО, музеи в Чите и Нерчинске, обеспечивал организацию экспедиций, вкладывал деньги на устройство Восточносибирского отдела Нижегородской выставки. Оставив жене 100 тысяч рублей, все заработанные капиталы он завещал передать для развития образовательных учреждений. Н. Трапезников пожертвовал Иркутску на дело образования 10 миллионов, создал и финансировал промышленное училище. И. Хаминов финансировал содержание женских прогимназии и гимназии. Е. Медведникова основала сиропитательный дом, Ю. Базанова построила воспитательный дом и детскую больницу европейского уровня (Попов, 1989: 17). По инициативе и на средства П. Кузнецова в 1845 г. был основан женский девичий институт (Попов, 1989: 135).

Заниматься благотворительной деятельностью считалось престижным. Это давало определенные привилегии, позволяло быть на виду, поэтому число обществ постоянно увеличивалось. Так, в Енисейской губернии в 1913 г. было 27 благотворительных обществ, а через два года, в 1915 г. их было уже 34 (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 21). Красноярский купец П. Кузнецов и канский купец Г. Машаров вложились по три тысячи рублей каждый в открытие детского приюта, который содержался на пожертвования купцов И. Окулова, Н. Токарева, супругов Щеголевых. После пожара в приюте в 1881 г. попечительница Е. Кузнецова отстроила его заново на свои деньги. Он получил название Владимирского. Обучались в нем девочки азам грамотности, также им прививали навыки, необходимые для реальной жизни. В 1874 г. было открыто ремесленное училище для мальчиков. Щедро делились своим богатством купцы Щеголевы. 1 200 000 рублей внесли они в фонд города (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 24). На их деньги был восстановлен Кафедральный собор, за их счет раздавали муку погорельцам Енисейска в 1869 г. Также они содержали женскую гимназию, богадельню, ремесленное училище, пожертвовали деньги на строительство семинарии, открыли Сиропитательный дом, где воспитывались и получали профессию девочки (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 40). Кроме этого, деньги жертвовались городской бедноте, больным или получившим ранения солдатам (Мешалкин, 1995: 87).

Понимая, что развитие региона невозможно без людей образованных, сибирские

предприниматели значительные суммы жертвовали на учебные заведения. 100 тысяч рублей Томскому университету пожертвовал купец А. Сибиряков. Своим вниманием он не оставлял университет и впоследствии. В дар учебному заведению была преподнесена библиотека поэта В. Жуковского, сформированы его музейные фонды, кроме того, Сибиряков финансировал торговые и научные экспедиции. Примерно 1,5 млн рублей было потрачено им на благотворительные нужды (Разумов, 1999: 124). Образованным и разносторонне развитым человеком был красноярский купец П. И. Кузнецов. Трижды красноярцы избирали его городским головой. Большое пожертвование он сделал Красноярскому уездному училищу, оплачивал обучение В. Сурикова в Академии художеств, участвовал в Амурской экспедиции, собрал коллекцию сибирских древностей и даровал их Иркутскому и Минусинскому музеям, часть коллекций поступила в фонды музея Томского университета. Финансовую поддержку университету продолжали оказывать и его сыновья (Черняк, Дмитриенко, 2016: 157). Невозможно в ограниченном объеме статьи перечислить все благодеяния сибирских купцов. И хотя купеческих династий, имеющих возможность делать столь крупные пожертвования, было в Сибири немного, их деятельность имела большое значение для региона. Совершая благое дело, купечество включалось в общественную жизнь. Но бывало и так, что «купцы принимали в общественной деятельности активное участие для приобретения места в более высоком «статусном» сословии, за что они были согласны понести значительные убытки деньгами, временем, усилиями» (Tuman-Nikiforova, 2016: 700). Обратной стороной благотворительности можно считать и вызывающее поведение жертвователей. Так, купцы Енисейской губернии делали большие пожертвования и в то же время за карточными играми проигрывали огромные деньги, устраивали пьяные кутежи (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 231. Л. 106).

Не только богатые купцы, но и простые городские жители часто откликались на призывы о помощи в решении каких-либо общественных проблем. Обычно в таких случаях открывалась подписка. В 1890 г. в Иркутске сгорел театр, построенный на пожертвования. Генерал-губернатор обратился к горожанам с просьбой о новых пожертвованиях. Откликнулось 19 человек, собрали сумму 141 600 рублей. Театр должен был принадлежать городской думе (ГАИО. Ф. 123. Оп. 2. Д. 13). В 1901 г. в Иркутске открылись музыкальные классы, но свою деятельность они могли осуществлять только благодаря помощи со стороны общества. Чтобы как можно больше горожан узнало о классах, о них написали городские газеты (ГАИО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 204).

Благотворительность сибирского купечества, как, впрочем, и российского, складывалась из нескольких составляющих. Она была выгодна, так как, поощряясь государством, позволяла удовлетворить личные амбиции; была вынужденной, так как пожертвования на образование обеспечивало производство квалифицированных кадров, что понимали наиболее дальновидные купцы. Она удовлетворяла интеллектуальные запросы образованной части предпринимателей, которая, организуя экспедиции, поддерживая музеи, библиотеки, театры, занимаясь коллекционированием, способствовала сохранению культурного наследия; приносила морально-нравственное удовлетворение посредством раздачи милостыни нищим, строительства богаделен, пожертвований церкви.

Меценатство как форма благотворительности было довольно широко распространено в России, хотя меценатов уровня С.И. Мамонтова и П.М. Третьякова было немного. 42 года занимался коллекционированием Павел Михайлович. Не раз сомневался он в правильности выбранного им дела: «несколько раз брало сомнение, – и все-таки продолжаю... и продолжаю пополнять свое собрание без уверенности в пользе дела, – но с любовью, потому что искренно люблю музеи и коллекции» (Боткина, 1986: 228). Любовь к искусству и желание поделиться этой любовью являлось основным мотивом его деятельности. Руководствуясь чувством любви к искусству, Третьяков выстраивал свои отношения с его создателями, художниками. Никому не отказывал он в помощи. Принимал деятельное участие в судьбе Верещагина, ссужал художника деньгами (одолжил ему десять тысяч рублей), хотя в то время сам находился в весьма стесненном положении (Боткина, 1986: 154). Морально и материально Третьяков постоянно поддерживал Крамского. В письмах к художнику он неоднократно спрашивался, не нужны ли тому деньги, хотя Крамской и так должен был ему и вряд ли мог отдать долг. Заболевшему туберкулезом Перову предложил пожить на своей даче в Куракине (Боткина, 1986: 193, 199). Являясь поклонником таланта Репина, он покупал многие его работы. Достоянное место в его коллекции заняли картины Сурикова. Ссужал деньгами Чайковского, музыку которого любил. Суждения П.М. Третьякова о картинах были независимы от каких-либо авторитетов. По многим вопросам он не соглашался с Л.Н. Толстым, так они разошлись в оценке картины Н.Н. Ге «Что есть истина?». Толстой считал «эту картину эпохой в христианском, т.е. истинном искусстве», и был очень разочарован, когда Третьяков ее не купил (Боткина, 1986: 227). Не оставлял меценат своим вниманием и ученых. В 1876 г. по просьбе И. Тургенева он оказал помощь Н. Миклухо-Маклаю, которому для продолжения работы экспедиции было необходимо 6000 рублей. Купец К. Солдатенков, к которому обращались до Третьякова, отказал в просьбе (Боткина, 1986: 236). Кроме этого, он был попечителем Арнольдовского училища для глухонемых. История создания этого училища сама по себе может проиллюстрировать способность русского человека к благотворительности. Сам Арнольд, сын учителя математики, был глухим. Решив помочь подобным

себе, он вложил свои средства в создании школы, но прогорел, так как шли к нему люди бедные и несостоятельные. Вот тут-то и понадобилась помощь Третьякова, который при училище построил даже больницу, часто бывал там и каждую весну сам принимал экзамены (Боткина, 1986: 256). Движимый любовью к искусству, считая художников великими тружениками, обладая отнюдь не огромными средствами, но имея способность сочувствовать и сострадать, Павел Михайлович, сам по себе будучи человеком скромным и непритязательным, сумел прожить свою жизнь так, что любой человек, услышавший фамилию «Третьяков», не спросит, кто это такой, ибо в России имя это известно всем.

Масштаб благотворительности и меценатства Саввы Мамонтова трудно переоценить. Его страстная любовь к искусству предопределила всю его жизнь. Это было не просто увлечение, в служении искусству заключался смысл всей его жизни. А строительство железных дорог – это только вынужденная необходимость, которая давала возможность отдавать оставшееся от службы время тому, к чему стремилась душа. Являясь натурой необыкновенно одаренной, он имел прекрасно развитый художественный вкус, брал уроки у М. Антокольского, сам пробовал лепить и, возможно, стал бы хорошим скульптором, если бы на это оставалось свободное время. Но все-таки главным для него был театр, а точнее опера. Петербургский императорский театр задавал тон всей театральной жизни России. Директор Всеволожский говорил, «что когда представляют русскую оперу, то на сцене отвратительно пахнет щами и гречневой кашей. Как только начинают играть русскую увертюру, самый воздух в театре пропитывается перегаром водки...» (Шалапин, 1991: 43). И вот именно против этого предвзятого мнения решил восстать Мамонтов, открыть для широкой публики имена русских композиторов, примером доказать, что русская опера не хуже итальянской. Сочетать предпринимательскую деятельность с увлечением искусством было очень трудно, но для Мамонтова, страстно мечтавшего о создании собственного театра, ничего невозможного уже не было. Воспользовавшись тем, что в 1882 г. императором была отменена государственная театральная монополия, в 1885 г. он открыл свой театр. Главным советником и помощником в этом деле выступил друг и единомышленник В. Поленов. Савва Иванович вникал во все детали, касавшиеся постановки спектакля, от декораций и костюмов до тонкостей психологического образа героя. Однако первые спектакли шли фактически при пустом зале. Но он верил в правоту своего дела и не сдавался. Первый триумф выпал на долю «Снегурочки». Присутствовавший на спектакле В. Суриков был в состоянии восторга и разразился неистовыми аплодисментами (Копшицер, 1972: 108). Но, тем не менее, чтобы не разориться, необходимо было приглашать иностранных актеров, ставить итальянскую оперу. Публика не готова была к столь радикальным переменам, не ожидала ничего интересного от русской оперы, весьма неохотно шла на ее спектакли. Решив создать русский оперный театр, Мамонтов противопоставил себя императорским театрам. Второй сезон прошел удачно, причем в репертуаре лидировали русские оперы (Копшицер, 1972: 179). Успеху способствовало также то, что на подмостки театра вышел Ф.И. Шалапин. Федор Иванович от природы имел прекрасный голос, но Мамонтову нужно было вложить в него немало сил, энергии и времени, чтобы из Шалапина сделать Шалапина. Сам певец никогда не отрицал этого, хотя и поступил впоследствии с ним, мягко говоря, очень некрасиво. Он отмечал, что «великую роль сыграл в моей жизни этот замечательный человек» «очень хорошего и тонкого вкуса» (Шалапин, 1991: 50-51). С триумфом прошли гастроли театра в Петербурге. Деятельность Мамонтова на театральной ниве стимулировала деятельность русских композиторов, наконец-то появился театр, который ставил их оперы. Всю подвижническую деятельность Мамонтова в театральной сфере можно рассматривать как подвиг, совершенный им во имя русского искусства. А ведь, кроме этого, было еще Абрамцево, купленное у Аксаковых и ставшее художественной Меккой России. Многие художники нашли там и кров, и дом, понимание, сочувствие и дружеское участие. Завсегдатаями усадьбы были Репин, Нестеров, Поленов, Серов. Неизвестно как сложились бы судьбы Васнецова и Коровина, если бы не поддержка Мамонтова. Не говоря уже о Врубеле, который буквально голодал в Киеве, не понятый и не востребованный никем. И только Мамонтов, сумевший оценить его талант по достоинству, протянул ему руку помощи, пригласил в Абрамцево и заказал декорации для оперного спектакля.

У Саввы Ивановича Морозова поистине было чутье на все новое, смелое, талантливое. Так он ответил согласием на просьбу С. Дягилева финансировать «Мир искусства», неизвестный тогда никому журнал, но отстаивавший новые эстетические идеалы, новое понимание роли искусства. Финансовую поддержку журналу оказывала также княгиня М.К. Тенишева, известная в Петербурге меценатка. В 1898 г. она и коммерции советник С. Мамонтов получили свидетельство о праве издавать журнал «Мир искусства» (РГАЛИ, Ф. 776. Оп. 8. Д. 1151. Л. 14). Княгиня занималась коллекционированием, покупая на выставках рисунки и акварели, но, по мнению А. Бенуа, делалось это «нелепым, чисто дилетантским образом». По просьбе княгини Бенуа должен был привести в порядок ее коллекцию, которая, по мнению художника, была хаотичной и хранилась в недостойных произведениях искусства условиях. Многие в коллекции олицетворяло для него «вздор и безвкусице» (Бенуа, 1980: 52, 55). Подобное отношение к коллекционированию для Бенуа было неприемлемо. А если вспомнить трепетное отношение к картинам П. Третьякова, то возникает вполне резонный вопрос, что руководило Тенишевой, истинная любовь к искусству или дань моде и желание быть на

виду. Однако русской культуре, безусловно, есть за что сказать спасибо княгине. Именно ее усилиями Талашкино стало одним из культурных центров России. Здесь были устроены мастерские для обучения крестьян резьбе по дереву, собрана богатая коллекция русского народного творчества, построено здание школы, 20 учеников она брала на полное свое обеспечение, при школе была библиотека. Тенишева открыла бесплатную рисовальную студию, помогала Смоленскому учительскому институту, финансировала археологические раскопки, во время войны с Японией в Талашкино открыла лазарет для раненых (Лопухина, 2003: 339-340, 346). Всю жизнь Мария Клавдиевна отстаивала свою независимость и самостоятельность через свою деятельность, которая заключалась в служении искусству и благодаря которой имя ее навсегда вошло в историю русской культуры.

Нижегородская ярмарка и Сухаревка были источниками пополнения коллекций Петра Щукина, основу которой составляли предметы декоративно-прикладного искусства, книги, личные архивы, гравюры. В 1896 г. меценат открыл музей для посетителей. Подарил он свои коллекции Историческому музею, но с условием, что музей будет носить его имя (Лопухина, 2003: 319). Его брату Сергею мы обязаны тем, что в России находится богатейшая коллекция художников-импрессионистов, картины которых он приобретал, руководствуясь личным вкусом. Выставки картин устраивал в своем доме и сам проводил экскурсии. Коллекцию решил передать в дар Москве. Частный музей П. Карабанова, состоявший из ювелирных изделий и предметов старины, всегда был открыт для посетителей (Лопухина, 2003: 104). Серьезно увлекаясь искусством, Ф. Прянишников собрал коллекцию русской живописи. Румянцевскому музею собранную коллекцию русской живописи передал К. Солдатенков. Собираательством занимались Хлудовы. Прекрасную коллекцию зарубежных картин имел Д. Боткин. Сибирскому купцу В. Сукачеву мы обязаны тем, что созданный на основе его коллекции Иркутский художественный музей и сейчас является богатейшим собранием картин за Уралом. Его картинная галерея была доступной для посетителей. Для восполнения пробела иностранной живописи Сукачев заказывал копии картин в музеях Мюнхена и Флоренции. Савва Морозов вкладывал деньги в Московский художественный театр, так как был убежден, «что этот театр сыграет решающую роль в развитии сценического искусства» (Горький, 1988: 202). Он присутствовал на репетициях, обсуждал репертуар и декорации, участвовал в распределении ролей, финансировал реконструкцию здания театра.

Коллекционирование и собирательство, благодаря деятельности предпринимателей, занимало довольно широкую нишу в истории русской культуры XIX века. Мотивы, побуждавшие к этой деятельности, могли быть разными. Но чаще всего это было все-таки искреннее увлечение искусством, а не данью моде или просто выгодным вложением денег в картины и предметы старины. С уверенностью об этом можно говорить, учитывая тот факт, что почти все коллекции были открыты для публичного обозрения. Желание поделиться радостью от общения с прекрасным, стремление воздействовать на формирование эстетических вкусов публики можно рассматривать как благотворительность в духовном плане. Кроме этого, деятельность меценатов помогала художникам выжить, стимулировала их на создание новых произведений, способствовала сбережению культурного достояния, концентрируя в определенных руках уже созданное.

5. Заключение

Лидирующее положение в общественно-экономической жизни России второй половины XIX века занимало купечество. Уступая по численности другим социальным слоям, но обладая инициативой и предприимчивостью, оно сумело сосредоточить в своих руках огромные финансовые потоки и тем самым влиять на жизнь страны настолько, насколько это было возможно в России. Благотворительная деятельность купечества была обусловлена его социальным происхождением из крестьянской среды, в которой коллективизм и взаимопомощь определялись самим духом общины. Особенно ярко это проявлялось в старообрядческой среде. И хотя главным жертвователем выступало купечество, но и простой народ, принимая участие в судьбе страждущих, перед большими праздниками собирал подаю и отправлял их в тюрьмы арестантам, или, как говорили тогда, «несчастеньким». А что, если не чувство сострадания, заставляло москвичей и крестьян окрестных деревень ждать за заставой, на Владимирке, партии арестованных, отправляемых в Сибирь, и раздавать им подаю. Выходит, что чувство сострадания, стимулирующее благотворительность, было присуще изначально русскому народу (и, следовательно, купцам как выходцам из его недр). Но справедливо ли будет способствовать формированию очередного стереотипа о том, что благотворительность есть форма проявления русской ментальности. Как же тогда другие примеры из истории. Так, Тимофей Морозов считался крупным жертвователем: при мануфактуре у него были больница, училище, библиотека, богадельня, но это не мешало хозяину снижать зарплату, повышать штрафы рабочим, протест которых против произвола вылился в «морозовскую стачку» 1885 г. Получалось, что, давая одним, приходилось отбирать у других. И это не единичный пример оборотной стороны благотворительности. Видимо, поэтому общественность настороженно относилась к купцам, не всегда веря в искренность их намерений. Поддержку репутации посредством пожертвований можно считать одним из мотивов благотворительности.

Сибирское купечество, как и российское, руководствовалось в целом теми же мотивами в своей

благотворительной деятельности. Как личные и эгоистические, религиозные и коммерческие, так и гуманистические, основанные на личных морально-нравственных качествах, мотивы лежали в основе их предпринимательства. Уступая в численности российскому купечеству, купцы-сибиряки были более самостоятельными и независимыми, так как в связи с отсутствием дворянского сословия они занимали лидирующие позиции в общественной и экономической жизни региона.

Благотворительность как явление социальное нельзя оценивать однозначно. Многих проблем она просто не могла решить, но, какими бы ни были ее мотивы, бесспорным остается то, что расцвет русской культуры второй половины XIX века во многом обязан деятельности меценатов и благотворителей.

Литература

- Бенуа, 1980 – Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 5 кн. М., 1980. Кн. 4, 5. 743 с.
- Боткина, 1986 – Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков. М., 1986. 286 с.
- Верещагин, Хайрtdинов, 2009 – *Верещагин А.С., Хайрtdинов Р.Х.* История российского предпринимательства: от истоков до начала XX века. Уфа, 2009. 245 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Гиляровский, 1986 – *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Иркутск, 1986. 352 с.
- Горький, 1988 – *Горький А.М.* Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М., 1988. 443 с.
- Катцина, 2017 – *Катцина Т.А.* Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. 199 с.
- Комлева и др., 2015 – *Комлева Е., Зиновьев В., Журавель О.* «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»: возвращенные имена и раскрытые судьбы // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 251-266.
- Копшицер, 1972 – *Копшицер М.И.* Савва Мамонов. М. 1972. 251 с.
- Лопухина, 2003 – *Лопухина Е.М.* Самые знаменитые меценаты России. М., 2003. 384 с.
- Мешалкин, 1995 – *Мешалкин П.Н.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск, 1995. 155 с.
- Памятная книжка..., 1892 – *Памятная книжка Енисейской губернии 1891 года.* Красноярск, 1892. 176 с.
- Попов, 1989 – *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.
- Разумов, 1999 – *Разумов О.Н.* Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь // *Вестник Томского государственного университета*. 1999. Т. 268. С. 123-126.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- Рубакин, 1912 – *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. СПб., 1912. 216 с.
- Тазьмин, 2002 – *Тазьмин Ю.Н.* Меценатство и благотворительность в России. К вопросу о мотивациях // *Социологические исследования*. 2002. № 2 (214). С. 92-97.
- Черняк, Дмитриенко, 2016 – *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* И.П. Кузнецов – красноярский историк и музейевед // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 409. С. 157-163.
- Шаляпин, 1991 – *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. М., 1991. 318 с.
- Щитова, 2012 – *Щитова Н.Г.* Благотворительность и меценатство как составляющие предпринимательского имиджа // *Вестник МГУКИ*. 2012. № 2 (46). С. 216-219.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4), pp. 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3, pp. 811-820.
- Karchaeva et al., 2017 – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). Pp. 86-93.
- Tuman-Nikiforova, 2016 – *Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.* Social Activities of the Merchants Guild the Yenisei Province in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. 41 (3). Pp. 698-704.

References

- Benua, 1980 – *Benua A.N.* (1980). *Moi vospominaniya* [My memoirs]: v 5 kn. M., 1980. Kn. 4, 5. 743 p. [in Russian]
- Botkina, 1986 – *Botkina A.P.* (1980). *Pavel Mikhailovich Tret'yakov* [Pavel Mikhailovich Tretyakov]. Moscow. 286 p. [in Russian]
- Chernyak, Dmitrienko, 2016 – *Chernyak E.I., Dmitrienko N.M.* (2016). I.P. Kuznetsov – krasnoyarskii istorik i muzeeved [I.P. Kuznetsov – Krasnoyarsk historian and museologist]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 409. pp. 157-163. [in Russian]
- Shalyapin, 1991 – *Shalyapin F.I.* (1991). *Maska i dusha* [Mask and shower.]. Moscow. 318 p. [in Russian]

- Shchitova, 2012** – *Shchitova N.G.* (2012). Blagotvoritel'nost' i metsenatstvo kak sostavlyayushchie predprinimatel'skogo imidzha [Charity and patronage as components of an entrepreneurial image]. *Vestnik MGUKI*. № 2(46), pp. 216-219. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of the Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gilyarovskii, 1986** – *Gilyarovskii V.A.* (1986). Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Irkutsk. 352 p. [in Russian]
- Gor'kii, 1988** – *Gor'kii A.M.* (1988). Sobr. soch. v 8 tt. [Collected works in 8 vols]. T. 3. Moscow. 443 p. [in Russian]
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4), pp. 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017** – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody*. 45 (3), pp. 811-820.
- Karchaeva et al., 2017** – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 43(1), pp. 86-93.
- Kattsina, 2017** – *Kattsina T.A.* (2017). Obshchestvennoe prizrenie i blagotvoritel'nost' v Eniseiskoi gubernii (1822-1917 gg.) [Public charity and charity in the Yenisei province (1822-1917)]. Krasnoyarsk, 199 p. [in Russian]
- Komleva i dr., 2015** – *Komleva E., Zinov'ev V, Zhuravel' O.* (2015). «Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri»: vozvrashchennyye imena i raskrytye sud'by [“Encyclopedic dictionary of the history of merchants and Commerce in Siberia”: returned names and revealed destinies]. *Quaestio Rossica*. № 2, pp. 251-266. [in Russian]
- Kopshitser, 1972** – *Kopshitser M.I.* (1972). Savva Mamontov. Moscow. 251 p. [in Russian]
- Lopukhina, 2003** – *Lopukhina E.M.* (2003). Samye znamenitye metsenaty Rossii [The most famous patrons of Russia]. Moscow. 384 p. [in Russian]
- Meshalkin, 1995** – *Meshalkin P.N.* (1995). Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' sibirskikh kuptsov-predprinimatelei: Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. [Patronage and charity of Siberian merchants and entrepreneurs: the Second half of the XIX – beginning of the XX century]. Krasnoyarsk. 155 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1892** – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii 1891 goda [Commemorative book of the Yenisei province in 1891]. Krasnoyarsk, 1892. 176 p. [in Russian]
- Popov, 1989** – *Popov I.I.* (1989). Zabytye irkutskie stranitsy. Zapiski redaktora [Forgotten Irkutsk pages. Editor's notes]. Irkutsk. 384 p. [in Russian]
- Razumov, 1999** – *Razumov O.N.* (1999). Aleksandr Mikhailovich Sibiryakov – predprinimatel', metsenat, issledovatel' [Alexander Mikhailovich Sibiryakov-entrepreneur, philanthropist, researcher]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, V. 268, pp. 123-126. [in Russian]
- RGALI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian state archive of literature and art].
- Rubakin, 1912** – *Rubakin N.A.* (1912). Rossiya v tsifrakh [Russia in numbers]. Saint-Petersburg. 216 p. [in Russian]
- Taz'min, 2002** – *Taz'min Yu.N.* (2002). Metsenatstvo i blagotvoritel'nost' v Rossii. K voprosu o motivatsiyakh [Patronage and charity in Russia. To the question of motivation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 2(214), pp. 92-97. [in Russian]
- Tuman-Nikiforova, 2016** – *Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.* (2016). Social Activities of the Merchants Guild the Yenisei Province in the second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 41 (3), pp. 698-704.
- Vereshchagin, Khairtdinov, 2009** – *Vereshchagin A.S., Khairtdinov R.Kh.* (2009). Istoriya rossiiskogo predprinimatel'stva: ot istokov do nachala XX veka. Ufa. 245 p. [in Russian]

Благотворительность как проявление ментальности купечества и предпринимателей России в XIX веке

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Людмила Вениаминовна Белгородская ^a, Лариса Федоровна Малютина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), blv.kr@yandex.ru (Л.В. Белгородская), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)

Аннотация. Объектом внимания в данной работе является благотворительность в России, которая рассматривается как социальное явление. В историческом контексте показаны истоки и формы деятельности благотворителей, которая в первоначальном виде имела неорганизованный характер и заключалась в раздаче подаваний и пожертвований в пользу церкви. Выявлены причины, по которым лидирующие позиции в этом виде деятельности к XIX веку стало занимать купечество. Также проведен численный и сравнительный анализ купеческого сословия по регионам, в ходе которого установлено, что купцы как в европейской части России, так и в Сибири значительно уступали по численности другим слоям населения. Источник формирования купечества из крестьянского и мещанского сословий позволяет говорить о его менталитете, основанном на верности обычаям и традициям. Установлено, что особенно четко это прослеживается в старообрядческой среде. Анализ мотивов, побуждавших заниматься благотворительной деятельностью, показывает отсутствие региональных различий мотиваций. Среди них присутствовали как корыстно-эгоистические мотивы, так и гуманистические, основанные на искреннем желании помочь. Определяющим критерием при этом являлись личные качества жертвователей. Благотворительность выступала как способ возможной реабилитации купечества в глазах общества за неправедным путем накопленное богатство и тем самым мотивировала деятельность купечества. Правильность теоретических выводов подтверждается фактами из жизни наиболее известных благотворителей России. В статье рассматривается также меценатство как форма благотворительности, его роль в жизни художников и в сохранении культурного наследия в целом.

Ключевые слова: благотворительность, меценаты, купечество, предприниматели, художники, коллекционеры, Россия, Сибирь.